

ЛЮДМИЛА МНИХ <https://orcid.org/0000-0002-1679-0479>

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny
w Siedlcach
Instytut Polonistyki i Neofilologii
Zakład Kultury i Literatury Anglojęzycznej
08-110 Siedlce
ul. Żytnia 39
ludmila.mnich@uph.edu.pl

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ В ДИАЛОГЕ С ШЕКСПИРОМ

VIKTOR SHKLOVSKY IN DIALOGUE WITH SHAKESPEARE

В статье рассмотрен шекспировский дискурс в работах видного представителя русского формализма Виктора Шкловского. Автор анализирует литературоведческие работы Шкловского, в которых интерпретируются тексты Шекспира. В ранних работах 1920–30-х годов В. Шкловский обращался к Шекспиру для обоснования новой терминологии русских формалистов, а более поздние работы ученого уже непосредственно посвящены изучению произведений Шекспира.

Ключевые слова: формализм, Виктор Шкловский, Шекспир, диалог, русская теория литературы.

The article investigates references to Shakespeare in the works of Viktor Shklovsky, an outstanding representative of the Russian formalism. The author of the paper analyses literary studies by Shklovsky in which Shakespeare's texts are interpreted. In his early works (dating to the 1920s–1930s) Shklovsky referred to Shakespeare to justify the new terminology of the Russian formalism, while his later works were devoted to the study of Shakespeare's texts.

Keywords: formalism, Viktor Shklovsky, Shakespeare, dialogue, Russian literary theory.

Статья является фрагментом более широкого исследования на тему *Шекспир в русской теории первой половины XX века*: один из аспектов этой темы посвящен изучению шекспировского дискурса у представителей русского формализма. Отметим специально, что понятие «русская теория» в последнее десятилетие все чаще встречается в тех исследованиях русской

интеллектуальной мысли XX века, которые, как правило, посвящены «русскому ренессансу» Серебряного века в его широко понимаемых хронологических границах (до 30-х годов включительно). При этом термин «русская теория» воспринимается некоторыми исследователями как русский вариант понятия «французская теория». Этот термин начал активно функционировать в русскоязычном научном дискурсе после 2004 года, когда была опубликована книга *Русская теория 1920–1930-е годы*. Во введении к этой монографии ситуация в интеллектуальной жизни России конца XX – начала XXI века соотносилась с рождением и идейным утверждением русской теории¹. Авторы книги отмечали, что так понимаемая русская теория имеет обязательный междисциплинарный и интернациональный характер, она оправдывает как научно-исследовательские практики того времени, так и дискурс этих практик в поле культуры². Следующим шагом в утверждении понятия «русская теория» стала книга 2016 года *Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов*, где это понятие рассматривалось уже как такая часть «мировой гуманитарной науки», которая отражает интеллектуальный язык эпохи³. Наконец, в 2017 году выходит обширная монография *Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание*. В этой книге русская теория, с одной стороны, воспринимается уже как устоявшийся термин, представленный и своим англоязычным вариантом (Russian Theory), а с другой стороны, обосновывается принципиальное отличие русской теории от французской, состоящее в ее (русской теории) филологической направленности и ориентации⁴. В русле сказанного, становится понятным, что важной частью русской теории был русский формализм, а одним из самых активных его представителей был Виктор Шкловский.

Формулировка темы *В. Шкловский в диалоге с Шекспиром* инспирирована мыслью Джонатана Джила Харриса, автора монографии *Шекспир и теория литературы*, который специально подчеркивал, что все основные теоретические направления XX столетия в литературоведении ключевые аспекты своей методологии развивали в диалоге с Шекспиром:

[...] All the major theoretical movements of the last century – from formalism and structuralism to deconstruction and actor-network theory, from Freudian and Lacanian psychoanalysis to feminism and queer theory, from Marxism and poststructuralist Marxism

¹ См.: *Русская теория 1920–1930-е годы. Материалы 10-х Лотмановских чтений. Москва, декабрь 2002 г.*, сост. и отв. редактор С. Зенкин, Москва: РГГУ 2004.

² См.: Там же, с. 7–9.

³ См.: *Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов*, под общ. ред. С. Н. Зенкина, Е. П. Шумиловой, Москва: Новое литературное обозрение 2016.

⁴ См.: *Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание*, ред. Я. Левченко, И. Пильщиков, Москва: Новое литературное обозрение 2017, с. 5.

to new historicism and postcolonial theory – have developed key aspects of their methods in dialogue with Shakespeare [...]»⁵.

Подчеркнем специально, что Шекспир не был тем автором, на текстах которого русские формалисты «строили» свою теорию литературы⁶, хотя с именем английского драматурга был связан целый ряд контекстов в истории становления и развития русского формализма. Из числа всех русских учёных, так или иначе связанных с русским формализмом и ОПОЯЗом (Обществом изучения поэтического языка), непосредственный интерес к Шекспиру – в течение всей своей жизни – выказывал только Виктор Шкловский (1893–1984). Но с Шекспиром были связаны также отдельные, очень важные в теоретическом плане, идеи Романа Якобсона (1896–1982), Юрия Тынянова (1894–1943) и Бориса Эйхенбаума (1886–1959). В разговоре о диалоге с Шекспиром русских формалистов есть смысл также упомянуть имена Бориса Томашевского (1890–1957), Григория Винокура (1896–1947), и отдельно сказать о работах Виктора Жирмунского (1891–1971), который многими идеями и публикациями был связан с русскими формалистами и книги которого вошли уже в золотой фонд русского литературоведения.

Как было указано выше, среди русских формалистов именно Виктор Шкловский был тем учёным и писателем, которого Шекспир сопровождал всю творческую жизнь. Особо отмечу интерес к наследию ученого в нынешней интеллектуальной жизни России, о чем свидетельствует опубликованная в 2014 году в серии «Жизнь замечательных людей» биография В. Шкловского⁷, а также подготовка и издание *Собрания сочинений* В. Шкловского (в 2018 году вышел первый том под названием *Революция*, в который вошли также малоизвестные и труднодоступные тексты автора)⁸.

⁵ Jonathan G. Harris, *Shakespeare and Literary Theory*, Oxford: Oxford University Press 2010, с. 3 [курсив в цитате наш – Л. М.].

⁶ Характерно, что в классическом исследовании, посвященном русскому формализму, монографии А. Ханзена-Лёве (*Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*, русский перевод – Москва 2001) имя Шекспира вообще не упоминается. В книге Виктора Эрлиха (*Русский формализм: история и теория*, русский перевод – Санкт-Петербург 1996) Шекспир упомянут в связи с работами американского теоретика литературы Уильяма К. Уимсатта (William Kurtz Wimsatt (1907–1975)). Из самых последних работ, посвященных теории русского формализма, назовем три монографии: 1) *Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание*, ред. Я. Левченко, И. Пильщиков, Москва: Новое литературное обозрение 2017; 2) *Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов*, под общ. ред. С. Н. Зенкина, Е. П. Шумиловой, Москва: Новое литературное обозрение 2016; 3) Катрин Депретто, *Формализм в России: предшественники, история, контекст*, авторизованный пер. с фр. В. Мильчиной, Москва: Новое литературное обозрение 2015.

⁷ В. Березин, *Виктор Шкловский*, Москва: Молодая гвардия 2014.

⁸ В. Шкловский, *Собрание сочинений*. Том 1: *Революция*, сост., вступ. статья И. Калинина. Москва: Новое литературное обозрение 2018.

Сам Виктор Шкловский в оценке современников был фигурой довольно незаурядной, оригинальной и противоречивой одновременно. Об этом свидетельствует тот факт, что он стал прототипом нескольких художественных персонажей, и как отмечает ученик и биограф Шкловского Владимир Березин:

[...] те романы, где он описан с симпатией, не так знамениты. Это *Дом-корабль* Ольги Форш и *Повесть о пустяках* Юрия Анненкова. Чем более знамениты романы, тем с меньшим сочувствием он изображен – как в романе Вениамина Каверина с длинным названием *Скандалист, или Вечера на Васильевском острове*. В знаменитом романе Михаила Булгакова *Белая гвардия* он прямо назван предтечей Антихриста. Другое дело, что так его называет не автор, а сумасшедший персонаж [...]⁹.

Проследим теперь обращение Шкловского к текстам Шекспира в литературоведческих работах ученого. Примеры из театра Шекспира как свидетельство теоретического диалога с английским драматургом и одновременно подтверждение научных выводов у Шкловского мы встречаем от его первых публикаций, собранных в 1925 году в книгу *Теория прозы*, до последних работ 70-х годов, уже непосредственно посвященных английскому автору. В работах Шкловского 20-х годов можно отметить два аспекта, связанные с шекспировским дискурсом и отражающие теоретические концепции русского формализма. Во-первых, это защита мастерства Шекспира перед критикой Льва Толстого¹⁰. Нужно отметить, что в русской литературно-критической и теоретической мысли конца XIX века и до первой половины XX века толстовское восприятие Шекспира породило острые дискуссии, в которых можно определить три аспекта: 1) споры вокруг Шекспира, 2) дискуссия вокруг наследия самого Льва Толстого, 3) споры о сущности искусства, сущности драмы как вида искусства, о проблемах новой драматургии. Идеи Шкловского рождались на горизонте этих споров и выработки новой терминологии, которую предложили русские формалисты. У Шкловского защита Шекспира связана с проблемой узнавания в сюжете литературного произведения. Ученый рассуждает так: «Поэтому, на вопрос Толстого: «Почему Лир не узнаёт Кента и Кент Эдварда» – можно ответить – потому, что это нужно для создания драмы, а нереальность беспокоила Шекспира так же мало, как беспокоит шахматиста вопрос: почему конь не может ходить прямо?»¹¹.

⁹ В. Березин, *Виктор Шкловский...*, с. 9.

¹⁰ На эту тему существует богатая литература, укажем на обобщающие выводы в книге Юрия Левина (глава *Бунт Толстого*): Ю. Д. Левин, *Шекспир и русская литература XIX века*. Ленинград: Наука 1988, с. 195–237.

¹¹ Цит. по: В. Шкловский, *О теории прозы*. Москва: Федерация 1929, с. 49.

Второй аспект диалога Шкловского с Шекспиром касается анализа такого элемента сюжета, как так называемое «каламбурное исполнение невозможного» (это понятие обоснованно учёным в его книге *О теории прозы*): Шкловский приводит известный пример из *Макбета*, связанный с эпизодом предсказания «обещания ведьмы Макбету, что он будет побеждён не раньше, чем лес пойдёт на него» и что его не может убить «рожденный женщиной»¹². Мы помним, что это «невозможное» в сюжете трагедии Шекспира исполнилось: солдаты, наступая на замок Макбета, прикрывались лесными ветками, а убийца Макбета (Макдуф) был не рождён, а вырезан из чрева матери.

Наконец, третий момент диалога с Шекспиром в ранних работах Шкловского был связан с проблемой анализа категории времени в литературном произведении: речь идёт о возможности замедления повествования путем введения в сюжет вставных элементов, «которые отвлекают нас от течения времени»¹³. Творчество английского драматурга здесь послужило примером: такими элементами в пьесах Шекспира учёный считает вводные сцены со второстепенными персонажами.

Если в своих работах 20–30-х годов Шкловский обращался к Шекспиру в основном для обоснования новой терминологии русских формалистов (таких понятий, как «узнавание героя» в сюжете, «исполнение невозможного» и «вставные элементы» в фабуле), то в более поздних работах размышления учёного касаются уже непосредственно смысла произведений Шекспира.

Одной из таких проблем предстаёт проблема времени у Шекспира и его героев. Так, рассуждая о героях Шекспира, Шкловский пишет, что они «как бы выбиваются из своего времени, предупреждая будущее»¹⁴, и этим герои Шекспира кардинально отличаются от героев античных мифов. А «лишенный короны Гамлет сталкивается со своим временем», поэтому его враг – это «враг будущего», «будущего мрака, но пока он сталкивается со временем самого Шекспира»¹⁵. Герои Шекспира, по мнению Шкловского «мучаются в тесных государствах, в нациях, еще не созданных», и дальше – «герои Шекспира – это доангличане»¹⁶. Отсюда вывод ученого о времени Шекспира, когда «история сливала язык германский с языком французским», поэтому Корделия и «приводит в Англию французское войско во имя своего отца»¹⁷.

К Шекспиру Виктор Шкловский вернётся в 1983 году в книге, название которой повторяло название книги 1925 года, – *О теории прозы*. В этой

¹² В. Шкловский, *О теории прозы...*, с. 70.

¹³ Там же, с. 185–186.

¹⁴ См. книгу *О теории прозы*, изданную в 1983 году: В. Шкловский, *О теории прозы*. Москва: Советский писатель 1983, с. 94–95.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

книге Шекспиру посвящён непосредственно восьмой раздел под концептуальным названием *Эдип. Шекспир. Три сестры: Антигона, Корделия, Анна Каренина*¹⁸. Теоретические мысли о Шекспире в этом случае оказались настолько важными, что Шекспировская комиссия в Москве решила этот раздел переиздать в 1986 году в сборнике *Шекспировские чтения*¹⁹. От издания 1929 года в одноименной книге 1983 года осталось только *Предисловие* и два текста – *Искусство как прием* и *Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля. Вступление* к книге 1983 года полностью построено на рефлексиях по поводу двух трагедий Шекспира – *Гамлета* и *Короля Лира*. Магистральные мысли Шкловского сосредоточены вокруг мысли о том, что «мы не знаем судьбу слов, среди которых живем», а «слово не живет одиноко, слово живёт повторениями», и в конце самое важное – именно такими повторениями «искусство обновляет память человечества»²⁰.

В упоминаемом *Вступлении* Шкловский, разбирая сюжет *Короля Лира*, вспоминает средневековую латинскую новеллу о дохристианском короле Федосии и его трёх дочерях, отмечая, что, по его мнению, раньше никто не обращал внимания на этот текст. Здесь Виктор Шкловский ошибался, ибо именно об этом сюжете из знаменитого средневекового сборника *Gesta Romanorum* писал в своей статье о *Короле Лире* еще в 1902 году видный русский шекспиролог Николай Стороженко (его статья была напечатана в виде предисловия к тексту трагедии в третьем томе *Полного собрания сочинений* Шекспира под редакцией С. Венгерова²¹). Но для нас важна не эта неточность Шкловского, а то, что он отметил заслуги Шекспира в области психологизма, то есть в той области, против которой так выступали русские формалисты. Очевидно, что проблема психологизма в работах русских формалистов намного сложнее, нежели официальные декларации представителей этого направления интеллектуальной мысли. Как отмечает Илона Светликова:

[...] При всем своем антипсихологизме, который обычно воспринимается как нечто радикально противостоящее психологии, формализм возник на развалинах ее воображаемой междисциплинарной империи, над созданием которой трудилось не одно поколение учёных [...]²².

¹⁸ См.: В. Шкловский, *О теории прозы*, Москва: Советский писатель 1983, с. 347–366.

¹⁹ См.: В. Шкловский, *Как Давид победил Голиафа (Эдип. Шекспир. Три сестры: Антигона, Корделия, Анна Каренина)*, «Шекспировские чтения» – 1984, Москва: Наука 1986, с. 7–22. Мы не останавливаемся на символике заглавия статьи В. Шкловского и его соединении трех героинь (Антигоны, Корделии и Анны Карениной) в единый образ «трех сестер».

²⁰ В. Шкловский, *О теории прозы*, Москва: Советский писатель 1983, с. 3–4, 6.

²¹ Шекспир, *Полное собрание сочинений*. Том III, ред. С. А. Венгерова, Санкт-Петербург: Издание Брокгауз-Ефрона 1902, с. 364.

²² И. Ю. Светликова, *Истоки русского формализма. Традиция психологизма и формальная школа*, Москва: Новое литературное обозрение 2005, с. 141.

Рассуждая на тему приведенных мыслей Шкловского, мы можем говорить, что круг проблем русского формализма замкнулся в поздних работах этого учёного (если конечно эти работы рассматривать тоже как тексты русских формалистов, ведь хронологически формализм существовал в 1916–1925 годах, то есть до времени, когда сами формалисты провозгласили конец их школы).

Во *Вступлении* к упомянутой книге 1983 года Шкловский обращает внимание сразу на несколько теоретических аспектов, связанных с пониманием смысла и символики драм Шекспира. Во-первых, это преодоление Шекспиром аристократизма, характерного для греческой трагедии, персонажами которой выступали герои-аристократы: «Шекспир это превозмог. Его женщины умирают, придя к песне, простой народной песне. Песни, которые они слышали от служанки»²³. Поэтому «расширение поля, на котором происходит смена нравственных отношений, – это подвиг Шекспира»²⁴.

Следующая важная теоретическая проблема шекспировского дискурса Шкловского связана с философией и психологией семьи как подлинной «бродячей» фабулы литературы: «Борьба внутри семьи дает удобное, хотя и страшное, обоснование для построения замкнутой коллизии, причины которой не выходят за пределы семьи»²⁵. В этом смысле *Короля Лира* можно интерпретировать как семейную драму, как «величественную картину семейной борьбы и семейных разделов», но одновременно и «историю обновления семьи». Общий вывод Шкловского объединяет оба момента: литературовед обращает внимание на то, что Шекспир в *Короле Лире* преодолевает аристократизм, используя при этом психологию семьи:

[...] Что делает Шекспир. Прежде всего он Лира, который передаёт власть, поставил разгадкой какой-то тайны, ценой разгадки тайны. Сами условия раздела Лиром являются тайной, против которой, как бы зная её, протестовала Корделия. И тогда Шекспир наказал гордого короля знанием своего народа, бедствиями народа и противопоставил, вернее поставил, одну строку видения против другой и другим. Он в мир королевских отношений ввёл человеческие отношения [...]²⁶.

Третий важный аспект анализируемой статьи Шкловского касается замечаний учёного об «общефилософском смысле» персонажей и художественных

²³ В. Шкловский, *Как Давид победил Голиафа...*, с. 7. В связи с женскими образами, отметим, что В. Шкловский особое внимание обращает на фразу Шекспира «вся философия мира не стоит Джульетты», помеченную в черновике Льва Толстого как «случайная удача», с. 7–8.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 8–9.

²⁶ Там же, с. 11.

образов вообще у Шекспира. Литературовед пишет также о том, что современность «нуждается в сюжетах Шекспира», ибо «Шекспир пользовался старой фабулой... вкладывая новое значение»²⁷.

Еще один текст Шкловского, посвящённый специально Шекспиру – это глава *Несколько слов о новом у Шекспира* в книге 1970 года *Тетива. О несходстве сходного*. Здесь учёный возвращается к известным мыслям о том, что «Шекспир не создавал сюжетов», а «его великие драмы являлись как бы инсценировками, разрушением, переосмыслением прежде существовавших драм и новелл»²⁸. Основное внимание в этом тексте Шкловский обращает на проблему трансформации жанра новеллы в жанр шекспировской драмы. Учёный рассматривает новеллу о венецианском купце из сборника *Сто сказаний* итальянского учёного-гуманиста, писателя и теоретика литературы Джамбатисты Джиральди Чинтио (1504–1573). Сравнивая структуру новеллы итальянского автора со структурой трагедии Шекспира *Отелло*, Шкловский делает вывод о трансформации новеллистического рассказа о преступлении в рассказ «о любви и трагедии любви» у Шекспира. Аналогичным образом учёный сравнивает трагедию *Ромео и Джульетта* с соответствующей новеллой, концентрируя своё внимание на двух основных теоретических понятиях – мотивировка и структура. Мотивировка, по мысли Шкловского, может быть двух видов: мотивировка действия и мотивировка функции. Именно мотивировка функции вместе со структурой, которая подчиняет себе материал является жанрообразующей, и в случае с Шекспиром мотивировка функции была определяющей в ситуации трансформации итальянской новеллы в шекспировскую драму:

[...] Можно изменить мотивировку действия, но мотивировки функции, для которой описываются или разыгрываются определённые действия, являются душой каждого произведения. Их изменение означает изменение жанра. Мотивировки могут быть даже спародированы, но и спародированные мотивировки могут, в свою очередь, изменять своё – уже не пародийное – действие... Структура подчиняет себе разный материал. Разность материала является законом структуры литературной [...]»²⁹.

В конце этой главы, посвященной Шекспиру, Шкловский возвращается к старой критике Шекспира со стороны Льва Толстого, но сравнивает мир английского драматурга с романами другого русского автора

²⁷ Там же, с. 12, 16.

²⁸ В. Шкловский, *Несколько слов о новом у Шекспира*, [в:] он же, *Избранное в двух томах*. Том II: *Тетива. О несходстве сходного. Энергия заблуждения. Книга о сюжете*, Москва: Художественная литература 1983, с. 120.

²⁹ В. Шкловский, *Несколько слов о новом у Шекспира...*, с. 121, 123.

– Ф. Достоевского, и тем самым учёный оправдывает Шекспира перед обоснованными упреками Л. Толстого:

[...] Старые модели, старые структуры как бы переворачивались в вещах Шекспира. Толстой, великий критик шекспировских построений, правильно упрекал Шекспира в том, что его трагедии отличаются от новеллистических источников нелогичностью. Это так: трагедии противоречивы, и противоречия созданы автором – Шекспиром. Но и действия героев Достоевского противоречивы, и это подчёркивал тот же Толстой [...]³⁰.

Таким образом, диалог Виктора Шкловского с Шекспиром был важной составной диалога русских формалистов с английским драматургом. Шкловский находил в текстах Шекспира подтверждения для своих теоретических постулатов, концепций, терминологии. Изучение этого диалога позволят лучше понять как идеи представителей формалистов, так и более полно осмыслить русскую рецепцию Шекспира, которая не ограничивается художественными произведениями, но имеет также ярко выраженную теоретико-литературоведческую составную.

References

- Berezin, Vladimir. *Viktor Shklovskii*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2014.
- Depretto, Catherine. *Formalizm v Rossii: predshestvenniki, istoriya, kontekst*, transl. V. Milkhina. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- Epokha «ostraneniya»*. *Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie*, eds. Ya. Levchenko, I. Pilshnikov. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Harris, Jonathan G. *Shakespeare and Literary Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Levin, Yuriy D. *Shekspir i russkaya literatura XIX veka*. Leningrad: Nauka, 1988.
- Russkaya intellektualnaya revolyutsiya 1910–1930-h godov*, eds. S. N. Zenkin, E. P. Shumilova. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Russkaya teoriya 1920–1930-e gody. Materialy 10-kh Lotmanovskikh chtenii*. Moskva, dekabr 2002 g., ed. S. Zenkin. Moskva: RSUH, 2004.
- Shekspir: *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 3, ed. S.A. Vengerov. Sankt-Peterburg: Izdanie Brockhaus-Efron, 1902.
- Shklovskii, Viktor. *Izbrannoe v dvukh tomah*. Vol. 2: *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo. Energiya zabluzhdeniya. Kniga o szuzhete*. Moskva: Khudozhestvennaya literature, 1983.
- Shklovski, Viktor. *Kak David pobedil Goliafa (Edip. Shekspir. Tri sestry: Antigona, Kordelija, Anna Karenina)*. «Shekspirovskie chteniya» – 1984. Moskva: Nauka, 1986: 7–22.
- Shklovskii, Viktor. *O teorii prozy*. Moskva: Federatsiya, 1929.
- Shklovskii, Viktor. *O teorii prozy*. Moskva: Sovetskii pisatel, 1983.
- Shklovskii, Viktor. *Sobranie sochinenii*. Vol. 1: *Revolutsiya*, ed. I. Kalinin. Moskva: Novoe literaturnoe Obozrenie, 2018.
- Svetlikova, Ilona Ju. *Istoki russkogo formalizma. Traditsiya psikhologizma i formalnaya shkola*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.

³⁰ Там же, с. 126.